

НАША СТРАНА

Год издания—46-ой. Буэнос Айрес, суббота 25 июня 1994

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 25 de junio de 1994 № 2289

Анатолий Брагин (Владивосток)

ЗЕМСКИЙ СОБОР В XX-ОМ ВЕКЕ

В 1922 году имело место знаменательное событие русской истории, о котором все эти годы упорно умалчивала советская «историческая наука» и продолжает умалчивать пришедшая ей на смену так называемая демократическая. Остается незамеченным это событие, несмотря на объявленную «гласность», — и на страницах «плюралистической» демократической и на страницах «патриотической» прессы. Если и случались обмолвки, то весьма туманные и невразумительные. Исключением являются православные газеты «Земщина» и «Град-Китеж», откликнувшиеся на эту важнейшую веху нашей недавней истории статьей Андрея Хвалина, помещенной соответственно в номере 52 за 1991 год и в номере 5 за 1992 год.

Но каковы бы ни были причины, побуждающие столь, казалось бы, различные политические силы замалчивать это событие, историческое значение последнего в истории России Земского Собора за ним останется. Брошенные им семена взойдут. И никакие временные успехи врагов русского народа не смогут сделать небывшим то, что произошло во Владивостоке летом 1922 года, и неизбежно вновь произойдет и уже происходит в несоизмеримо больших масштабах от Приднестровья до Курил — пробуждения русского национального самосознания на русской земле.

К 1922 году Белое движение потерпело поражение практически на всей территории России, и лишь Дальний Восток с его огромными сырьевыми ресурсами и экономическим потенциалом, включая Приморье, Амурскую область, Камчатку, полосу отчуждения КВЖД при поддержке русских колоний в Харбине и Шанхае все еще оказывал сопротивление чужеродным завоевателям.

С 1917 года население здесь выросло с 800 тысяч до полутора миллионов человек за счет притока беженской массы, в том числе и отступивших под ударами большевиков частей Белой Гвардии.

Во Владивостоке — необъявленной столице Дальнего Востока — собралось много патриотически настроенных русских людей и просто неприемлющих новую власть. Все они не испытывали никаких иллюзий насчет того, что за режим несут коммунисты на своих штыках. Газеты и журналы того времени пестрят сообщениями и свидетельствами очевидцев об ужасах красного террора.

Встав перед выбором жизни

и смерти, наученные горьким опытом революции и Гражданской войны, русские люди во Владивостоке смогли, наконец, преодолеть внутреннюю смуту. Указом Приамурского Временного Правительства номер 149 от 6 июня 1922 года было объявлено о созыве Земского Собора, ключевую роль в котором предстояло сыграть генерал-лейтенанту Михаилу Константиновичу Дитерихсу (1874-1937).

Блестящий офицер, участник Великой войны и один из главных разработчиков знаменитой операции, вошедшей во все учебники как «Брусиловский прорыв», М. К. Дитерихс с первых дней революции решительно встал на сторону противников большевиков. В июле-августе 1919 года у адмирала А. В. Колчака он командовал Сибирской армией, а в октябре-ноябре — Восточным фронтом. После поражения Колчака, не принявшего план М. К. Дитерихса об отводе войск с линии Иртыша, дабы привести их в порядок и дать отдохнуть, М. К. Дитерихс направился в Харбин, откуда в июне 1922 года по первому зову прибывает во Владивосток.

Один из расследователей убийства Царской Семьи, он тогда же, в 1922 году, издал во Владивостоке труд о Екатеринбургском злодеянии. Как Божий Суд, недоступный звону злата, книга М. К. Дитерихса явила обманутому человечеству не только истинных убийц-изуверов, ничего общего с русским народом не имеющих, но и открыла на уровне неопровержимых доказательств зловещую природу и стратегию мирового зла. В этом смысле Дитерихс спас честь Генерального Штаба Императорской России и реабилитировал Православную Монархию как естественный народный институт отеческой власти.

В июне-июле подготовка к Собору шла полным ходом на основании разработанного Положения о Приамурском Земском Соборе. Исходя из него, Собор должен был выслушать доклад о деятельности Временного Приамурского Правительства и избрать новый орган Верховной Власти в крае.

В состав Земского Собора по Положению входили: Временное Приамурское Правительство и отдельно избранные представители от православного духовенства и мусульман, от армии и флота, от гражданских ведомств, от несоциалистических организаций, от горожан-домовладельцев, от сельского населения, от городских самоуправлений, от земства, от торгово-промышленного сословия, от ка-

зачьего населения и казачьих войсковых правительств, от православных приходов, от общества ревнителей Православия, от старообрядческой общины, от высших учебных заведений, от русского населения полосы отчуждения КВЖД и от поселковых управлений. Таким образом, сохранялся древний принцип выборов на Земский Собор — **сословность**, вместо никудышной партийности, мнимой независимости и классовости.

Было в Положении и важное примечание: коммунисты и примыкающие к ним, а также социалисты-интернационалисты участия в Земском Соборе принимать не могут.

Открывшийся 23 июля (5 августа) 1922 года во Владивостоке Земский Собор стал плодом усилий многих и многих русских людей. Он вобрал в себя их надежды и чаяния на возрождение великой и самодержавной России. Рядом с М. К. Дитерихсом в его работе принимал участие епископ Нестор Камчатский, а Святейший Патриарх Тихон был избран почетным Председателем Собора.

Центральным событием Приамурского Земского Собора явилось избрание генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса «Правителем Края» на правах верховной власти. Торжественная передача Приамурским Временным Правительством власти Верховному Правителю генералу Дитерихсу состоялась 26 июля (8 августа). В здании театра С. Д. Меркулов прочел указ, передающий власть генералу Дитерихсу, а затем весь Земский Собор, во главе с духовенством, последовал в Кафедральный Собор для выслушания присяги Верховного Правления.

После торжественного молебна генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс принял в присутствии Собора и народа следующую присягу:

«Обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом Господним в том, что принимаемое мною по воле и избранию Приамурского Земского Собора возглавление на правах Верховной Власти Приамурского Государственного Образования со званием Правителя — приемлю и возлагаю на себя на время смуты и нестроения народного с единою мыслью о благе и пользе всего населения Приамурского Края и сохранения его как достояния Российской Державы.

Отнюдь не ища и не преследуя никаких личных выгод, я обязуюсь свято выполнять пожелание Земского Собора, им

высказанное, и приложить по совести всю силу моего разума и самую жизнь мою на высокое и ответственное служение родине нашей России, блюдя законы ее и следуя ее историческим заветам, возвещенным Земским Собором, памятуя, что я во всем, что учиню по долгу Правителя, должен буду дать отчет перед Русским Царем и Русской Землей.

В удостоверение сей моей клятвы я пред алтарем Божиим и в присутствии Земского Собора целую Слова и Крест Спасителя моего. Аминь».

После этого в двух заседаниях Собора, генерал Дитерихс изложил те основания, на которых он мыслит свою дальнейшую работу. Говоря о себе, генерал Дитерихс сказал: «Для нас, смертных, нельзя и мечтать, чтобы принять на себя звание правителей всей России. Мы — только правители борьбы с советской Россией и тех государственных объединений, которые для этой борьбы рождаются».

Важнейшим итогом Приамурского Земского Собора явилось единодушное признание того, что Верховная Власть в России принадлежит Царскому Дому Романовых и должна осуществляться в порядке законного престолонаследия. Собор принял решение о восстановлении в ближайшем будущем монархической власти и направил Обращение к Дому Романовых, в котором просил сообразоваться возгласить Приамурский Край и русское национальное движение Верховным Правителем из членов Царского Дома по его усмотрению и воле.

О принятом курсе на восстановление русской национальной государственности в ее истинной православно-монархической форме свидетельствуют и другие документы Собора, принятые перед его закрытием (28 июля/10 августа 1922 года), — «Грамота Приамурского Земского Собора к Русским людям Великой Российской Земли», телеграммы на адрес Его Императорского Величества Государыни Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны и Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича, а также примыкающий к ним Указ номер 1 Правителя Приамурского Земского Края от 26 июля (8 августа) 1922 года.

Приамурский Земский Собор заложил новые принципы государственного строения, основой которого становился церковный приход и организуемое в его рамках гражданское самоуправление со всеми правами бывшего волостного земства, чем соз-

давалась та народно-государственная ячейка, из которой путем выбора народных представителей должны организовываться Земский Собор, краевые и уездные советы. По твердому убеждению участников Собора, указанный государственный строй проводит содружество гражданской, духовной и народной власти по всем отрядам управления, и по мере того, как народ будет переходить от революционного мышления к подчинению законам Правды, он станет осуществлять эту Правду и создавать христианскую государственность.

Надо отметить, что, несмотря на тяжелейшее политическое и экономическое положение новой власти, она впоследствии неуклонно пыталась следовать этой соборной идее, в чем, конечно, в первую очередь видна заслуга М. К. Дитерихса, бравшего пример в своей деятельности с Императора Николая Второго. В некоторых местах Приамурья прошли Земские съезды, где лично присутствовал Правитель. Любопытны условия, которым должен был отвечать выборный от каждого населенного пункта: быть крепким в вере во Всемогущего Бога, иметь в этом населенном пункте свое хозяйство, от роду иметь более 25 лет и быть семейным, не иметь в прошлом за собой уголовных преступлений.

Уже даже по первым шагам восстановления на земле Приамурского Земского Края исконных начал российской государственности видно, какое непреходящее значение имеет Земский Собор 1922 года в истории России. Впервые за годы Гражданской войны аморфное, стоявшее прежде лишь на отрицании советской власти, Белое движение оформилось как открыто монархическое, восстановив на огромных просторах русского Дальнего Востока исконную русскую государственную власть, чего не знали ни Крым, ни Дон, ни Сибирь. К тому же было решено созвать в ближайшее время Поместный Церковный Собор дабы укрепить паству Приамурского Земского Края в истине и свете отцовской и дедовской веры. Генерал Дитерихс придавал Церковному Собору чрезвычайное значение, желая провести в жизнь то строение временной власти, которое было в России в первое междоусобице: „Вера и Земля“, как говорится в его Указе номер 1.

Созыв Земского Собора во Владивостоке был попыткой „перешагнуть“ целую историческую эпоху в жизни России, начавшуюся реформаторской ломкой Петра Первого, стремлением „вглубь“ русской истории, где как бы сохранялся вдали от современного безбожия и интернационализма нерушимый фундамент народности и государственности. Перед лицом окончательной катастрофы, примириться с которой было выше их сил, тысячи русских людей отправились на поиски духовного истока, столетиями исцелявшего раны России, наносимые изнутри и извне. Трехмесячное правление генерала Дитерихса дало удивительные образцы этого возвращения. Новшества в государственном и жизненном устройстве следовали одно за

другим. Белая Армия была переименована в Земскую Рать, военачальники стали именовать воеводами, а сам М. К. Дитерихс стал „воеводой Земской Рати“.

Последовательно возрождая христианскую государственность, М. К. Дитерихс своим Указом Правителя Земского Приамурского Края номер 14 от 21 августа 1922 года закрыл все существующие игорные дома, „принимая во внимание, что допущение в общественных собраниях, клубах и игорных домах азартных игр в карты, кости и домино не согласуются с основными религиозно-нравственными принципами“. Его обращение от 18 августа 1922 года гласило: „Моя задача в том, чтобы всех тех, кто верует в Бога — от простого русского земледельца до родовитого князя, — объединить в одно и общими усилиями восстановить разоренную и разграбленную святую матушку Россию“.

Как всполошились перепуганные большевики, активно начавшие искать пути к переговорам с японцами, чтобы любой ценой, вплоть до отдачи интервентам Дальнего Востока на разграбление, ликвидировать Приамурский Земский Край! Вообще, легенда о том, что японцы поддерживали сначала правительство С. Д. Меркулова, а потом М. К. Дитерихса, в своей основе лжива и злонамеренна. Интервенты блюли только свои интересы, стараясь подольше не дать угаснуть огню братоубийственной бойни. В отличие от коммунистов, национальные дальневосточные власти, наоборот, пытались твердо стоять на защите русских интересов и охране богатств тихоокеанской окраины страны.

В начале сентября Правитель Приамурского Земского Края открыто обращается к гражданам, рабочим и крестьянам Советской России: „3 сентября в Чаньчуне ваши руководители — Иоффе и Янсон — начали переговоры о соглашениях с японцами“ („Земский Край“, номер 5, 6 сентября 1922 года).

В сложившейся обстановке оставалось уповать лишь на то, что еще можно заставить одуроченных красноармейцев и партизан одуматься; и от лица русских людей Приамурского Земского Края 4 октября принимает Обращение:

„Стоном стонет русский народ, взывая к помощи братьев своих, а ваши нерусские комиссары и подголоски их, торопят вас поскорее захватить Приамур-

ский Земский Край — эту последнюю надежду на воскресение Руси, этот последний оплот русского духа“. („Уссурийское Слово“ номер 649, 6 октября 1922 год).

Вот кому оказали действительную помощь так называемые интервенты. С первого взгляда становится ясно, что они договорились. Находящиеся под охраной японцев сотни тысяч тонн вооружений, принадлежащих Русской Армии, не были возвращены Земской Рати, которая по сути с голыми руками противостояла наступающему врагу. Уходя, японцы даже испортили орудия на владивостокских фортах.

Недолго просуществовала вновь воссозданная русская государственность на дальневосточной окраине России. В октябре 1922 года под давлением превосходящих сил интернациональных завоевателей русские войска вынуждены были оставить Владивосток. На пароходах были вывезены 2 кадетских корпуса, часть казачьей армии, родственники военных. Главная же армия во главе с М. К. Дитерихсом пробилась на юго-запад в Маньчжурию.

Последняя решительная попытка воссоздания традиционной русской государственности, предпринятая русскими людьми в Приморье, окончилась неудачей. Могло ли быть иначе? Едва ли. Россия была приговорена могущественными международными силами, которые обрекли ее на медленное постепенное умерщвление в руках извержных палачей. Предательство японских „союзников“ — лишнее тому доказательство. Поход за восстановление Русской Монархии, объявленный генералом Дитерихсом на последнем клочке свободной русской земли, лишь ускорил его падение. Большевиком овладел всей Россией, вошел в ее духовный состав, и противостоят ему стало возможно лишь твердостью и чистотой Веры. Временные сроки борьбы оказались больше, а содержание ее гораздо страшнее, чем надеялся Земский Собор 1922 года.

17 октября 1922 года М. К. Дитерихс издал свой последний Указ номер 68. Будто бы к нам, сегодняшним собирателям Великой Святой Руси, обращает Правитель свое последнее горькое пророческое слово:

„Силы Земской Приамурской Рати сломаны. 12 тяжелых дней борьбы одними кадрами бесстрашных героев Сибири и Ледя-

ного Похода, без пополнения, без патронов, решили участь Земского Приамурского Края. Скоро его уже не станет.

Он как тело — умрет. Но только как тело.

В духовном отношении, в значении ярко вспыхнувшей в пределах его русской, исторической нравственно-религиозной идеологии, — он никогда не умрет в будущей истории возрождения Великой Святой Руси.

Семя брошено. Оно сейчас упало на еще неподготовленную почву. Но грядущая буря ужасов советской власти разнесет это семя по широкой ниве Великой Матушки Отчизны. И приткнется оно в будущем через предел нашего раскаяния и по бесконечной милости Господней к плодородному и подготовленному клочку земли русской и тогда даст желанный плод.

Я верю в эту благодать Господню; верю, что духовное значение кратковременного существования Приамурского Земского Края оставит даже в народе края глубокие, неизгладимые следы. Я горячо верю, что Россия вновь возродится в Россию Христа, Россию Помазанника Божия, но теперь мы были недостойны еще этой великой милости Всевышнего Творца“ („Земский Край“, номер 37, 18 октября 1922 год).

Какой же смысл имеют эти далекие ныне события, усиленно замалчивавшиеся советской историографией, для возрождения национальной России? — Смысл и значение духовного завещания, указания того природного русским людям пути государственного строительства, на котором только и возможно воссоздание в грядущие тяжелые времена под скипетром Самодержавного Государя Божиего града на земле — Святой Руси.

Не дал Бог победы русскому оружию в 1922 году. Не затем ли, чтобы после семидесятилетних очистительных страданий встало на русской земле истинное ополчение? Прообраз такого будущего и показали нам наши предки в краткой истории Приамурского Земского Края, когда Белое движение, уже отступая одной ногой в Японское море, преодолело, наконец, февральское заблуждение и провозгласило поход за восстановление Российского Престола. Этому начинанию, как недолгой звезде, суждено было вспыхнуть и погаснуть, но свет этой путеводной звезды все идет к нам из прошлого. Все яснее мы видим, как отмирают безблагодатные разновидности патриотизма и все более и более у русского национально-освободительного движения проступают черты, блеснувшие в свободном Приморье, — мининские черты. И никакие временные успехи врага не могут теперь остановить то, что уже происходит — пробуждения русского национального сознания на русской земле. Как ни лютовали коммунисты, как ни лютовали их нынешние наследники демократы и как бы долго ни длилось их временное владычество, правы все-таки окажутся русские люди Приамурского Земского Края.

Анатолий Брагин

Что за знамя летит над убитой страной?
 Что за черная птица парит надо мной?
 А на знамени череп и кости блестят.
 А у птицы Россия зажата в когтях.
 Что за поле внизу? Бородинское что ль?
 Чье пристанище здесь? Чья земная юдоль?
 Что за битва была? Куликовская вновь?
 Что за племя лежит, иссеченное в кровь?
 Птица ворон парит над убитой страной.
 Сатанинское знамя летит надо мной.
 Слышишь, птица, Россию в ладонь урони!

Слышишь, речка, живую водою плесни!
 Бородинское поле, земная юдоль,
 Оживи молодцов, отыми у них боль.
 Иссеченные в кровь, поднимайтесь, тела!
 Оживающий конь, закуси удила.
 Поднимайся святая, убитая Русь.
 Вот уж век за тебя на коленях молюсь.
 Возрождайся, народ! Запевай петушок!
 Сатанинское знамя сотрем в порошок.
 Темным силам в полон не дадим нашу Русь!
 Целый век за нее на коленях молюсь.
 Иркутск
 Владимир Скиф

П. Савельев

ЖЕРТВЫ ЭПОХИ

В 1992 году, как раз когда исполнялось 40 лет со дня выхода в свет в Аргентине книги „Ди-Пи в Италии“ покойного постоянного сотрудника „Нашей Страны“ Бориса Николаевича Ширяева, московский публицист Владимир Бондаренко несколько раз коснулся этого произведения в различных органах печати. Увы, он сделал это вскользь, а не мешало бы поподробнее.

Дело в том, что эта книжка не только войдет в русскую литературу, но по ней исследователи составят те главы русской истории, где будет описываться трагедия миллионов русских людей основавших племя Ди-Пи, то-есть перемещенных лиц, по-английски *displaced persons*. Произведение Ширяева отражает, как в зеркале, страшные круговороты судеб людей, отказавшихся владеть цепи коммунистического рабства, но и изведавших все прелести лицемерных демократий Запада.

Писатель вспоминает, в применении к ООН, слова Блаженного Августина: „Кто говорит, что любит человечество, тот не любит человека“. Едва ли можно найти более подходящие слова для определения сущности нашей эпохи, которую, по справедливости, можно назвать эпохой ООН, ибо именно в этой международной организации, как в фокусе, под покровом пышных фраз об освобождении человека от войны, страха и нищеты, сконцентрировалась вся фальшь и неправда нашего времени.

Собрав, с любовной бережностью, то, что он назвал „человеческими документами“, Ширяев дает каждому читателю возможность создать обобщенный образ не героя эпохи, а ее жертвы — всех тех, кто получил на бездушном ооновском наречии творцов современных хартий о правах человека странное название „Ди-Пи“.

Их борьба за свою жизнь и за право называться и быть человеком, в обход всех хартий и деклараций, и является предметом повествования.

Повествование это лишено всяких литературных прикрас, нарочитых подчеркиваний и сгущений красок. Оно даже окрашено некоторым грустным юмором и, может быть именно поэтому оно волнует нас с особой силой. И волнует оно не только тем, что будит потускневшие воспоминания об ушедшем, а тем, что проникнуто настоящей человечностью, которая дышит с каждой страницы книги, изданной усилиями тогдашнего редактора „Нашей Страны“ Всеволода Константиновича Левашева-Дубровского.

Волнует оно и тем, что в нем даны многие примеры подлинной любви к человеку, а не к абстрактному человечеству. К чести последнего, можно констатировать, что среди представителей всех рас, наций и религий нашлось немало людей, в большинстве своем скромных и простых, которые не забыли христианские заветы о любви к ближним.

Вот немецкий генерал, в купе которого, вопреки всем правилам водворилась семья автора книги, оставаясь пылающий Берлин. В дверях с надписью *Verboten* появляется фигура кондуктора. „Тссс! — поднимает палец генерал — говорите тихо. *Das Kind schläft*“. И дальше, когда с помощью того же генерала беззащитная семья была выгружена из вагона, из окна еще видна его рука, посылающая прощальный привет.

„Через два года — заключает эту сцену Ширяев — когда я читал отчеты о Нюрнбергском процессе, где судьи, сидя рядом с палачами, щедро осыпали немецкий генералитет

обвинениями в зверствах, в истреблении женщин и детей, я всегда вспоминал эту руку“.

В этих строчках нет и намека на оправдание нацистских зверств; в них лишь подчеркнута мысль о том, что человек и простое человеческое чувство одно, а порочная система человеческих отношений, будь она нацистской, коммунистической или демократической — другое. Ведь страшные названия Лиенца, Римини, и другие вписаны в историю теми же руками, которые подписали декларацию прав человека.

О Лиенце известно достаточно. Борис Ширяев дает черное полотно трагедии в Римини, о которой мы мало знаем.

В середине мая 1947 года по общежитию на улице Тассо, по Русскому Собранию, и всем углам где ютились русские беженцы, прозвучало страшное значение слова: Римини... Страшная правда, казавшаяся многим невероятной, невозможной в мире христианской цивилизации, стала во всей своей наготе из рассказа прибежавшего пешком в Рим полубезумного от ужаса человека. Группы русских людей, вывезенных из Чине-Чита и других лагерей, были замкнуты в Римини тройным рядом колючей проволоки. Командантом Римини был полковник Мартин, офицер британской армии. Неофициальными начальниками русских были майор РОА Иванов и полковник Лобасевич. Пятого мая полковник Мартин объявил об отправке на работы в Англию 165 русских, отобранных им самим. Полковник Мартин заверял честью британского офицера, что выдачи не будет. Потом он вызвал к себе майора Иванова и снова заверил его поклявшись на Библии.

Люди из безбожной страны верили клятве, верили чести офицера христианской армии, защищавшей основы гуманизма, свободы, демократии, цивилизации. Квадрат номер 4, где были собраны 165 русских, предназначенных к отправке, был изолирован от остального лагеря сплошной стеной автоматчиков. Шестого мая началась погрузка в вагоны. При посадке били. Передача в лапы Советов состоялась вне Италии. Таможенный офицер, рассматривающий вагоны на границе, видел в вагонах лужи крови, мертвецов и умирающих, перерезавших себе горло и вскрывших вены консервными банками...

В свободной печати страны классической демократии — Англии —

ни один голос не прозвучал обличая это гнусное дело своего „социалистического правительства“.

Следует отметить, что западная демократия не дала и самому Ширяеву возможность заняться любимой творческой деятельностью. Двери в США для этого талантливого писателя почему-то закрылись — не потому ли, что он пошел добровольцем в РОА, служить делу освобождения России? — и он был вынужден малевать игрушечные куклы для рынка, чтоб прокормить свою семью.

Но вернемся к самой книге. Христианская концепция чувствуется на ее страницах на каждом шагу. „Шерстью бы все обросли и друг дружку по улицам водили бы, как обезьяны“, уверенно отвечает хохол Василь на вопрос автора: что бы случилось, если бы порвались нити, связывающие итальянский народ с религией. На каждом шагу Ширяев показывает: только в христианстве, только в его согревающим тепле, заключается спасение человечества.

На страницах книги многие проявляют это тепло. Однако и немецкий генерал, и францисканский монах, и новозеландские солдаты и многие другие, движимые простыми человеческими чувствами, могли сочувствовать, жалеть и помогать дипийцам, но едва ли кто-нибудь из них мог их понять. Для этого надо было самому быть русским и уметь слушать испуганное биение сердец своих соотечественников.

Такими людьми, в те дни когда решалась судьба русских Ди-Пи, бежавших из социалистического отечества, были так называемые „старые эмигранты“. Именно они могли понять трагедию своих сородичей и особенно той их части, которая с оружием в руках, бок о бок с немецкой армией, выступила за освобождение России от коммунистического ига.

И старая эмиграция, в лучшей своей части, то есть та, которая не погрязла в закостенелых и предвзятых представлениях, не поддавалась дурману „советского патриотизма“, поняла своих затравленных братьев. И в Европе и в Америке русские комитеты, фонды, союзы и отдельные лица оказали „новым“ неограниченную помощь: они поддержали их морально и они же, действительно, спасли тех, кого они, в меру и даже сверх меры своих сил и возможностей, могли спасти.

Борис Ширяев

Борис Николаевич Ширяев родился в 1889 году. Окончил Московский университет, участвовал в первой мировой и гражданской войне. Как белый офицер, был отправлен на 10 лет в Соловки. Позже работал в прессе, но беллетристику начал печатать только в эмиграции, куда попал в 1944 году. Издательство имени Чехова выпустило его книгу „Неугасимая лампада“; вышли так же книги: „Ди-пи в Италии“, „Светильники Русской Земли“, сборник рассказов „Я — человек русский“. Работает над хроникальной повестью из шести частей, из которых напечатаны: „Последний барин“, „Ванька Вьюга“, „Овечья лужа“ и „Кудеяров дуб“ (отрывок из „Кудеярова дуба“ помещен ниже). На итальянском языке вышел его „Обзор русской литературы за 1920—1940 гг.“.

лужа» и «Кудеяров дуб» (отрывок из «Кудеярова дуба» помещен ниже). На итальянском языке вышел его «Обзор русской литературы за 1920—1940 гг.».

Так и в Италии... „В сумерках близь кухонь английских, австралийских и польских полков“, „непонятные люди-призраки“ рассказывают друг другу: „В Риме есть русский князь, настоящий русский князь царского рода. Он поможет снова стать человеком, а не тенью...“ И вот пробираются в Русское Собрание те, кто никогда не видел ни одного русского князя и имеет вообще самое смутное представление о князьях и их генеалогии... Князь пожимает руку бывшему красноармейцу и бывшему безпризорнику Володе... „Здравствуйте Владимир Николаевич!“ — „Дозвольте пять Ваше Высочество!“.

Наглядно смыкается далекое прошлое с настоящим, смыкается какими-то таинственными путями, понятными только тем, чьи общие корни уходят в далекую, недоступную, но одинаково родную и священную русскую землю. „Вероятно — говорит Б. Ширяев — как раз потому мы, „новые“, вдали там меньше, чем где-либо, вероятно даже и совсем не вдали за наглухо закрытой дверью библиотеки Собрания, где шли долгие беседы его главы с новоприбывшими, ищущими его помощи... Там свято хранились ключи от многих тайн, извилов и мечтаний людей российских!“.

Эти российские люди, во всем их многообразии, самые невероятные „человеческие документы“, бережно собранные Б. Ширяевым, проходят перед нами длинной чередой в его книге. Хотя автор прожил много лет бок о бок с ними в Советской России, хотя на своем ухабистом советском пути он встретил не одну сотню своих загадочных соотечественников, мог ли он в то время ответить на вопрос о том, что же представляют они не с внешней, а с внутренней стороны? Конечно нет. Он, пожалуй, знал о них лишь немногим более, чем тот же председатель Русского Собрания в Риме, князь С. Г. Романовский. И только в течение длинного пути от Ставрополя до Рима и во время жизни в Италии он смог зорким взглядом писателя приглядеться к тем, кто совсем недавно были стандартными и ничем почти не отличающимися друг от друга советскими гражданами. Он стал вглядываться не в профессоров, инженеров, педагогов и агрономов, а в тех кто олицетворял подлинную „сермяжную“ Россию, пытаясь определить, что же представляют они собой, что роднит их между собой и что составляет их сокровенную сущность.

Что общее, например, между Володей-садовником и Володей-певцом? — „Та отзывчивость к чужой беде, то бескорыстное желание помочь в ней, те проблески, каких уже не видно на просвещенном огнях реклам кока-колы Западе, но какие все чаще и чаще поблескивают в жуткой тьме осуществленного социализма“.

Вот каков обобщенный образ „жертвы эпохи“ — русского Ди-Пи. Образ этот типично русский, ибо „там“ — „жизнь иная, а люди те же“.

В большинстве своем и итальянские и другие Ди-Пи, выведенные из трагического тупика дружественной рукой настоящих русских людей, нашли оседлое пристанище в разных странах мира. По разному жили и живут они: одни богаче, другие беднее.

Одни потеряли свои русские черты, вросли в чужую жизнь. Другие, и их немало, по сей день продолжают носить неистребимую мечту о России, неизбывную тягу к ней.

П. Савельев

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ В США И КАНАДЕ

Редакция просит всех подписчиков в США и Канаде посылать подписную плату (чеки на имя Miguel Kireeff) за газету исключительно нашей представительнице в США Наталье Николаевне Ткачевой по адресу: Mrs. N. Tkachov, 1200, 18-th Ave. # 203, San Francisco CA, 94122.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

О ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Нам пишут из Москвы:

В статье опубликованной газетой „Русский Вестник“ Антон Тускарев написал, что „в соответствии с целью государства и общества перед самодержавием ставится особая священная задача — всемерно содействовать Церкви материальными средствами в исполнении ее спасительной миссии, а также охранять ее в тех случаях, когда необходимо применение государственной власти. В соответствии с этой главной обязанностью Царя и дается ему право самодержавной власти. Всякие права понимаются православным сознанием лишь как средства исполнения тех обязанностей в отношении к Богу и ближнему, которые уже даны от Бога и называются заповедями“.

А. Тускарев отметил затем, что „в своем самодержавии Царь ограничен, но не волею парламента, а волею Бога, изложенной в церковном учении. Всякое распоряжение монарха, противоречащее церковным канонам и христианской совести, — если, не дай Бог, такое случится, — не должно считать законным. Кроме того, Царь ограничен не только церковными канонами, но и церковно-народным укладом жизни. Пренебрегать добрыми христианскими традициями, культурно-бытовыми обычаями своего народа он не должен“.

Автор статьи замечает, что „Православное Царство есть такое устройство общества, в котором меньше всего пагубного самовольства и больше всего послушания. Правда, для этого требуется, чтобы сам Государь был с детства наставлен и крепко утверждён в православной вере и благочестии, четко сознавал свою обязанность перед Богом и народом. Этому призван способствовать сам принцип престолонаследия — от отца к сыну. Царь оставляет свой народ в наследство сыну, а не постороннему „сменщику“. Это поневоле побуждает его к сугубой ответственности за каждое действие. Всякий же президент управляет государством по принципу: после нас хоть потоп. По крайней мере обстановка демократического государства располагает только к этому, а также к крайней нравственной распушенности и своеволию, когда никто не отвечает ни за что, особенно в сложные моменты для государства“.

По словам А. Тускарева, „царское же служение, как пожизненное, возлагает на Государя ответственность и перед Богом, и пред своей семьей, и перед обществом. Да и сам народ может проникнуться истинной преданностью и любовью, столь необходимой для духовного здоровья общества, лишь к такому нравственно ответственному лицу. В условиях же республики никто не сможет любить близкое, многоглавое собрание человек в парламенте, каждый из которых, рав-

но как и все они вместе, есть ни за что не отвечающие перелетные птички, присевшие отдохнуть на вершинах власти. С таким безликим коллективным правителем люди могут вступать лишь в деловые отношения, получая материальные блага за те или иные труды, но нравственных, священных скреп такое государство иметь не будет, и народ Божий в нем воспитаться не сможет“.

А. Тускарев отметил также, что „система наследования престола от отца к сыну имеет также цель воспитания этой святой ответственности у будущего Государя с самых ранних лет. Наследник с колыбели готовится принести обет верности Господу и взять боговручаемое бремя служения Божию народу. Он не участвует ни в какой политической борьбе, не обучается в ней лжи, лицемерию, подлости, высокомерию, которые неизбежно усваивает всякий, кто лезет из грязи в князи, сиречь в президенты или диктаторы. Таким образом, и сам Царь, и весь народ надежно „застраховываются“ от политических страстей и грехов“.

БОРИС БАШИЛОВ

Нам пишут из Москвы:

Малое предприятие „Русло“ действующее при журнале „Наш Современник“ переиздало капитальный труд проживавшего в Аргентине сотрудника „Нашей Страны“ Бориса Башилова (Михаила Алексеевича Поморцева) „История русского масонства“.

В аннотации издатели написали следующее: „История русского масонства — историческое исследование Бориса Башилова, впервые увидевшее свет в Аргентине на средства русских эмигрантов. В девяти книгах „Истории...“ освещены ключевые вопросы русской истории, раскрыты неизвестные широкому читателю тайны политики“.

Текст к печати подготовила З. С. Гуляевская. На обложке картина Ю. И. Коновалова „Отдых каменщика“. Тираж — 25 тысяч экземпляров.

О ГЕНЕРАЛЕ КРАСНОВЕ

Нам пишут из Москвы:

Журнал „Наш Современник“ объявил, что „открывает незадолго забытое и по сути дела неизвестное имя одного из любопытнейших русских беллетристов 20-го столетия — Петра Николаевича Краснова. Родившийся в 1869 году, П. Н. Краснов стал георгиевским кавалером Первой Мировой войны. В годы войны Гражданской генерал Краснов был одним из организаторов Белого движения. С 1919 года он — атаман Всевеликого Войска Донского. После войны в эмиграции“.

„Наш Современник“ ошибочно указывает на то, что в эмиграции „впервые открылся“ его писательский дар. На самом же деле Краснов печатался еще в России.

Редактируемый С. Куняевым

ежемесячник отметил, что талант Краснова получил высокую оценку даже такого строгого ценителя, как Иван Алексеевич Бунин и сообщил, что намерен опубликовать исторический роман „Царевубийцы“, блестяще описывающий эпоху императора Александра Второго, русско-турецкую войну, заговор царевубийц-народовольцев, гибель Царя, а также роман „Ложь“, в котором П. Н. Краснов многогранно и глубоко раскрывает сложность взаимоотношений русской эмиграции с миром Европы и Америки. В этом захватывающем, глубоко патриотическом русском романе Краснов словно провидел свою собственную судьбу — в 1945 году в Австрии, в знаменитом Лиенце, он был выдан англичанами НКВД и в 1947 году казнен в Москве“. По сообщению журнала, публикация романа будет предвзвешена делом генерала и писателя Петра Краснова, извлеченным из архива НКВД.

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ

Нам пишут из Москвы:

Писатель Василий Белов заявил, что, на его взгляд, „надо наново создавать независимую русскую прессу за рубежом. Здесь, хотя от марксизма-ленинизма остались одни головешки, свобода (то есть бумага и микрофоны) существуют в основном для порнографии и рок-шаманства. Все остальное либо вообще в загоне, либо — на самом последнем месте. Россия постепенно привыкает к латинскому шрифту. Почти все журналистские авторучки и телекамеры в руках внуков-правнуков троцких и свердловых. Ничего, по сути, не изменилось“.

ЦАРИЦА РОССИИ

Нам пишут из Москвы:

В интервью газете „Путь“ писатель Владимир Карпец сказал, что „Самодержавия у нас никто не отменял, оно у нас есть. „Удерживающий“ не отъят постольку, поскольку Державная икона Божьей Матери, явленная в день отречения, показывает Царицу Небесную и как Царицу Земную, увенчанную царским венцом, облаченную в царскую порфиру, держащую в руках скипетр и державу. У нас нет Царя, но есть Царица. И только к Ней мы должны и можем обращаться и исповедовать Ее Царицей Руси. Вот что такое сейчас самодержавие. До тех пор, пока не будет явлен тот Последний Царь, появление которого предсказывали наши святые и старцы; до тех пор пока он не явлен, у нас есть Царица и Ее самодержавная власть“.

По мнению В. Карпеца, поэтому, „при любом правительстве в России — будь это диктатура, демократия (только, конечно, не тирания и не охлократия), в любом здании правительственном и зале заседаний должен стоять пустой царский трон. Я бы добавил, что еще должна находиться Державная икона. Это было бы даже

точнее. Любое правительство должно осознавать себя как сугубо временное и твердо исповедовать самодержавие как принцип, какая бы форма власти не была“.

ЖУРНАЛ „КУБАНЬ“

Нам пишут их Екатеринодара:

Редактор журнала „Кубань“, Виталий Канашкин написал в передовице, что слово „конституция“, которым оперируют нынешние демократы „было впервые введено, или, как выражается в „Нашей Стране“ И. Андрушкевич „вспрыснуто“ в общественный организм России во времена декабристского путча, когда подстрекательские путчицами солдаты кричали, что они за „Константина и его супругу Конституцию“. Эта конституция уже тогда, в 1825 году, ставила целью расчленение России и превращение ее в союз независимых губерний. И Пестель, один из организаторов конституционных перемен, по данным И. Андрушкевича, опасаясь, что русских мужиков-имперцев вряд ли удастся склонить к конституционному преобразованию добровольно, предлагал их загнать в „будущую конституцию шпицрутенами, как в загон“.

Затем В. А. Канашкин написал: „Журнал „Кубань“, одним из первых в стране опубликовавший также произведения Солоневича как „Россия в концлагере“, „Диктатура импотентов“, „Диктатура слоя“, „Великая фальшивка Февраля“, еще несколько лет назад твердо выделил и откомментировал его концепцию: Россия — не Европа и не Азия и даже не Евразия. Это — просто Россия. Совершенно своеобразный национальный, культурный, государственный комплекс, где управление сложным организмом осуществлялось через „народную монархию“ — правителя-державника, отвечавшего национальным чаяниям народа, и полнокровное народное самоуправление, корректировавшееся и закреплявшееся конституционно. Небывалая своеобычность России выразилась и в том, что она воссоздала в процессе своего исторического возрождения такую идеальную форму государственной организации, где все народы, „втянутые“ в ее орбиту, „чувствовали себя одинаково удобно или неудобно, но так же удобно и неудобно, как и русский народ. То есть тот, „господствующий“ народ, все преимущество которого заключалось в великих обязанностях, а не в привилегиях или правах“.

В том же номере „Кубани“ воспроизведен под заглавием „Потомки братьев мистической петли“ отрывок из труда покойного сотрудника „Нашей Страны“ Бориса Башилова „История русского масонства“. Тираж журнала — 8.000 экземпляров.

Каждая новая подписка на „Нашу Страну“ увеличивает возможности бесплатной пересылки газеты нашим соотечественникам в Россию.